

Фрида Нильсон

ВНЕШНОСТЬ ОБМАНЧИВА

МЕНЯ

УДОЧЕРИЛА

ГОРЬКА

-Так-то лучше! Хватит
тут прикидываться
хорошей девочкой.

Лучшая новая книжка

Фрида Нильсон

Меня удочерила горилла

«Самокат»

2005

УДК 821.113.6-31-93
ББК 84(4Шве)-44

Нильсон Ф.

Меня удочерила горилла / Ф. Нильсон — «Самокат»,
2005 — (Лучшая новая книжка)

Однажды в детский приют «Лютик», где живёт девятилетняя девочка Юнна, примчался выдавший виды автомобиль. Кто бы вы думали сидел за рулём? Горилла! Она собиралась выбрать себе сиротку на ужин – так, по крайней мере, думали дети. Не долго думая, горилла забрала Юнну... Но не на ужин, а на воспитание! Кто из приютских детей не мечтает обрести настоящий дом и любящих родителей. Каждому ребёнку больше всего на свете хочется найти маму с добрыми глазами и красивой причёской. Маму, которая ласково обнимает тебя, переживает за тебя и всегда утешает. О такой маме мечтала и Юнна, оказавшаяся в логове у гориллы. Эта книга о том, как трудно принять родителей такими, какие они есть. Это не только подарок судьбы и исполнение заветного желания, но и появление чего-то неизвестного и чужого, вмешательство в привычную жизнь. И им двоим – маленькой девочке и на первый взгляд страшной Горилле – предстоит многое вместе пережить, перед тем как они обретут друг в друге семью. В 2011 году «Меня удочерила горилла» была номинирована на престижную Немецкую детскую литературную премию. Фрида Нильсон – детская писательница, автор сценариев для теле– и радиопрограмм, телеведущая. Её книги номинировались на шведскую премию Августа Стриндберга и французскую премию «Там-там. Я люблю читать».

УДК 821.113.6-31-93
ББК 84(4Шве)-44

© Нильсон Ф., 2005

© Самокат, 2005

Содержание

Когда приходит горилла	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Фрида Нильсон

Меня удочерила горилла

Text © Frida Nilsson and Natur & Kultur, Stockholm 2005.

Illustrations © Lotta Geffenblad and Natur & Kultur, Stockholm 2012

© Коваленко О. О., перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательский дом «Самокат», 2015

* * *

Когда приходит горилла

Когда мне исполнилось девять лет, меня удочерила горилла. Я не просила об этом.

Это случилось в сентябре. Был день генеральной уборки, и нас – детей из сиротского приюта «Лютик» – выставили во двор. Ветер плясал по улице, разгоняя листву, сложенную в аккуратные кучки. Воспитательница Герда распорядилась, чтобы мы вытрясли простыни, полотенца, подушки и одеяла. Сама она прогуливалась неподалёку, наблюдая за тем, как мы трудимся. Близко Герда не подходила, чтобы не запачкаться пылью.

– Дождитесь, пока уляжется пыль, прежде чем браться за следующую вещь! – кричала она. – Наглотаетесь пыли и заболаете, только этого мне не хватало.

Мы с Ароном взяли за простыню с двух сторон.

– Осторожно! – сказала я. – Ты слишком сильно трясешь.

Арон затряс ещё сильнее.

– А мне некуда силу девать! – и тряхнул так, что его лицо побагровело. Мои белобрысые косички подскакивали на голове. В «Лютике» все девочки с длинными волосами должны были носить косички. «В причёску вшам труднее забираться», – говорила Герда.

– Прекрати! – крикнула я и рванула простыню так, что она выскочила у Арона из рук. Он вытер рукой под носом, смачно втянув в себя соплю. Лицо у Арона было всё в веснушках, как будто колбаса-сервелат в точечках жира.

– Тогда трясى сама, – сказал он, поднял с земли другую подушку. И затряс её так, будто хотел выбить из неё душу.

– Чем лучше трясешь, тем быстрее закончишь! – кричала Герда. На ней был светло-зелёный рабочий халат, в ушах сияли маленькие золотые серёжки.

Но никто и не думал поторапливаться. Быстрее закончишь – значит, раньше начнёшь драить полы и окна, чистить картошку, мыть посуду, сгребать в кучи сухую листву. О свободном времени можно было только мечтать. Герда считала, что его у нас вполне хватает по ночам, когда мы спим.

Вообще-то генеральную уборку затеяли не просто так. В приюте ожидали гостей. Кто-то хотел приехать и выбрать себе ребёнка. Герда очень волновалась, как обычно в такие дни. С самого раннего утра она носилась повсюду, как бешеная курица, осматривая детей и комнаты. Объявляла войну пыли, рваным носкам и грязным ушам.

– Хорошо хоть постричь успели, – бормотала она, глядя на нас. Всех детей недавно постригли, потому что в «Лютик» приезжал фотограф. Приезжал он каждый год, а за неделю до этого Герда доставала большие кухонные ножницы и стригла нас. Когда надо было сделать снимок, мы выстраивались перед домом и улыбались изо всех сил. Мы любили эти дни, ведь для нас это был перерыв среди нескончаемого мытья полов и другой тяжёлой работы. В приезде фотографа было что-то торжественное – он бывал у нас каждый год, начиная с самого основания «Лютика». На стене в коридоре висели чёрно-белые фотографии всех, кто когда-либо жил в нашем приюте. Герда была почти на всех снимках. Она работала здесь воспитательницей с незапамятных времен.

– Смотрите-ка, – сказала она, вытянув шею. – А вот и почта пожаловала.

Из ельника вынырнул чёрный автомобиль с эмблемой в виде жёлтых почтовых рожек. Герда бросилась к калитке, замахав руками, как дирижёр.

– Стой! – крикнула она почтальону, опустившему стекло. – Здесь только что разровняли гравий! Только что! – Она протянула пухлую руку к конверту, который почтальон собирался опустить в ящик. – Давай сюда!

Автомобиль газанул и исчез за поворотом. Герда, напевая, вскрыла конверт, начала читать, и песня тут же застряла у неё в горле.

– К нам пожалует проверка из муниципалитета, – пробормотала она, окидывая нас обеспокоенным взглядом, словно подсчитывала количество голов. Вообще-то считать ей было не за чем. Не проходило дня без напоминания о том, что в приюте живёт пятьдесят один ребёнок, а это на одного человека больше, чем положено по закону. «Лютик» рассчитан ровно на пятьдесят детей.

– Ха-ха, запахло жареным, – прошептал Арон, строя гримасы.

Я закончила вытряхивать простыню и вытерла пот со лба. Вообще-то на улице было нежарко, но поневоле вспотеешь, когда приходится махать руками изо всех сил.

– Ты о чём? – спросила я.

Арон выпучил глаза и стал похож на большую яичницу-глазунью:

– А ты разве не знаешь, что Герда избавляется от тех, кто ей не по вкусу?

– Избавляется? – сердце у меня ёкнуло. – Как так? Убивает?

Арон медленно покачал головой.

– Не совсем. Неужели ты не слыхала истории о том, как она разделалась с ребёнком, который ей мешал?

– Не слыхала.

Арон подошёл ближе.

– Однажды, давным-давно, – прошептал он, покосившись на Герду, – была тут одна девочка, которую она терпеть не могла. И как-то раз ночью села она на велик, посадила её на багажник и покатила. И бросила её в какой-то заброшенной хибаре, где не было ни души и нечего было есть. Девочка была такой маленькой, что сопротивляться не могла. Герда уехала и больше никогда туда не возвращалась. А девочка та так и померла.

Я уставилась на него во все глаза. Арон кивнул, растянув рот до ушей.

– Враки! – крикнула я.

Арон пожал плечами.

– Может, враки. А может, и нет. Со мной у неё этот номер не пройдёт, я слишком сильный, – сказал Арон и смачно шмякнул подушкой об землю.

Герда продолжала изучать письмо.

– Через две недели во вторник, – бормотала она. – Группа инспекторов в плановом порядке проконтролирует соблюдение санитарных условий и пересчитает детей. С уважением, Турд Фьурдмарк. – Сглотнув, Герда прикусила губу. Затем подняла взгляд и заметила, что мы за ней наблюдаем. – Ну что ж, – сказала она с наигранным спокойствием. – К этому времени мы как следует всё приберём. И приведём ногти в порядок. Юнна!

Я вздрогнула оттого, что она так резко и неожиданно произнесла моё имя. Ничего хорошего это не предвещало. Герда вразвалочку подошла ко мне, скорчила злобную гримасу и нависла надо мной всеми своими двойными подбородками.

– Думаешь, простыня будет чище оттого, что ты трёшь её грязными руками?!

Я опустила взгляд: опять я забыла помыть руки. Белая ткань перепачкалась.

Герда выдернула у меня простыню.

– Ничего удивительного, что здесь такая грязь! Будете жить тут, пока вам не исполнится шестьдесят лет. И потом придётся переименовать детдом в дом престарелых.

О том, что она в эти времена будет лежать в земле, мёртвая, как маринованная селёдка, Герда, конечно, не думала. Я вздрогнула: что, если мне придётся остаться в «Лютике» навсегда? Не то чтобы Герда была такой ужасной, просто она ведь нам не настоящая мама. Мне кажется, мы ей совершенно безразличны. Если у кого-то из нас был грипп или воспаление лёгких, она очень расстраивалась, но только потому, что для неё это означало лишние хлопоты. Если кто-то до крови разбивал коленку, она прежде всего думала, как бы не запачкать ковры. Настоящая мама пожалела бы ребёнка, а Герда жалела только саму себя. Вот и вся разница.

Герда повернулась ко мне.

– Ты здесь уже девять лет! Неужели до сих пор не запомнила, что, прежде чем браться за чистые вещи, надо мыть руки?

Щёки у меня запыхали. Некоторые дети ухмылялись – так было всегда, когда Герда на меня кричала, а случалось это нередко. Я вечно забывала мыть руки. Но вовсе не потому, что была грязнулей. Просто это улетучивалось из головы, сколько бы Герда меня ни отчитывала. Может, мои мозги устроены так, что мысли о мыле в них надолго не задерживаются? Может, они созданы для мыслей о других вещах? Пока что у меня не было возможности это проверить, все силы уходили на защиту от мыльных упреков Герды.

Иногда мне казалось, что мыться так часто вовсе не обязательно. Хоть ты сто лет стоишь под душем, оттирая грязь, всё равно не успеешь оглянуться, как опять испачкаешься. Только высказать это Герде я никогда не решалась. Она всегда повторяла, что «по иронии судьбы» у неё на шее оказалась такая неисправимая свинья, как я. Что за ирония такая, я не очень понимала, но любому ясно: это плохо.

– Ну? – вопрошала она. – Неужели ты настолько глупа, что руки забыла помыть?

Я отвела взгляд, сказать было нечего.

Герда приложила руку к уху, будто не расслышала мой ответ.

– Что ты сказала, Юнна? Может, ты у нас дурочка?

Все уставились на нас. Я прикусила губу и крепче вцепилась в простыню.

– Нет, – прошептала я.

– Э-эй! – заорала Герда, как будто она оглохла. – Мы не слышим тебя. Говори громко и чётко, чтобы всем было ясно. Ты у нас дурочка?

– Нет!

– Вот это другое дело. Тогда иди, вымой руки.

Она развернулась и прокричала ещё громче:

– Остальные собираются в быстром темпе! Что, весь день будете здесь трясти простынями? Толку от вас никакого!

Некоторые начали собирать простыни и подушки, чтобы занести в дом. И тут из ельника послышался тихий звук мотора. Автомобиль приближался. Дети вытянули шеи, словно охотничьи собаки, почуявшие дичь.

– А ну успокойтесь! – завопила Герда, но никто не смотрел в её сторону. Всякий раз, когда в приют приезжала машина, дети окружали её. Все пихались и расталкивали друг друга локтями, стремясь пробраться поближе и показать себя, все хотели уехать из «Лютика» навсегда. Как же мы об этом мечтали! Как нам хотелось обрести настоящий дом, настоящую маму, такую красивую, с высоким пучком и ароматом духов. Маму, которая, если ты разобьёшь коленку, расстроится, воскликнет: «Бедняжка ты моя!» – и помчится за пластырем. Как мы мечтали о папе в блестящих ботинках, который побежит покупать комиксы, если ты заболеешь гриппом. Да уж, все мы хотели покинуть «Лютик», но, когда в приюте живёт пятьдесят один ребёнок, шансы у каждого невелики. Поэтому все мы здорово работали локтями в те редкие разы, когда в приют кто-нибудь приезжал.

Я побежала к воротам вместе с остальными. Звук мотора становился всё громче, ещё немного – и автомобиль будет здесь. Я встала на цыпочки, чтобы получше рассмотреть его за стриженными головами детей...

Из леса, сделав крутой вираж, вынырнул потрёпанный старенький «Вольво». Он нёсся на дикой скорости. Ещё мгновение, и машина подъехала к воротам и завернула на гравийную дорожку. Она с рёвом объехала пару раз вокруг большого дуба, рванулась вправо, затем влево, словно никак не могла определиться, где встать. В конце концов она резко затормозила и, сделав ещё полкруга, замерла прямо перед нами.

Теперь уже не только у Арона лицо походило на яичницу-глазунью. У машины был такой вид, будто она только что спаслась от кроважанных сборщиков металлолома. Сзади бес-

сильно болталась выхлопная труба, от мотора пахло гарью, а стёкла были покрыты картинками и наклейками. Кузов был испещрён рыжей чешуёй ржавчины, но кое-где виднелись остатки старой зелёной краски.

Я наморщила нос. Не хотелось бы мне попасть в дом к тому, кто сидел в машине, – кем бы он ни был. Похоже, та же мысль вертелась в головах у остальных.

– Ну и развалюха! – крикнул Арон. – Ни за что в жизни в такую не сяду!

Герда как замороженная смотрела на свою испорченную гравийную дорожку. Затем она перевела взгляд на машину. Дверца распахнулась.

Наружу показалась чёрная волосатая нога, обутая в перепачканный глиной башмак с дра-ным шнурком. За ней тотчас показалась и другая нога, такая же толстая и косматая. Сглотнув от волнения, я вытянула шею. Не пойму, чего мне хотелось больше – остаться и посмотреть, кто сидит внутри, или убежать подальше и спрятаться. Было что-то жуткое в этом автомобиле, такие гости у нас впервые. К нам всегда приезжали красивенькие машины.

Ручища оперлась на дверцу «Вольво», и её обладательница вывалилась наружу, пытая и стена. Казалось, сердце моё на несколько мгновений остановилось в груди. Воцарилась мёрт-вая тишина.

Это была горилла! Двухметрового роста, с круглым, как бочка, животом, чёрной буг-ристой головой, походившей на гигантскую грушу. Она была без рубашки, зато в поношен-ных панталонах – голубых и мятых под коленями. Горилла наклонилась и одёрнула штанины, так что они немного прикрыли ботинки.

Затем она скрестила лапы на груди и окинула взглядом «Лютик»: окошки на верхнем этаже, где располагалась большая спальня; земляной погреб, где хранились картошка и мари-нованные огурцы; вход в кухню, через который можно было пройти, если ты весь перепачкан-ный возвращался из сада. Позади всего – уходящая вдаль кромка леса, ели, черневшие тре-вожной стеной. Горилла ещё немного постояла, созерцая этот пейзаж, затем перевела на нас взгляд потенциального покупателя.

Дети гурьбой хлынули к главному входу. А Герда так и осталась стоять, уставившись на гориллу, словно на привидение. Я развернулась, чтобы помчаться следом за всеми. Сердце бешено колотилось в груди, гравий хрустел под ногами. Прочь отсюда, скорее!

Но вдруг произошло нечто странное. Я остановилась – сама не знаю почему. Помню, как, замерев на месте, я думала: «Надо срочно уйти и спрятаться подальше, как все остальные».

Но я стояла как вкопанная... Спинай я чувствовала чужой взгляд – такой долгий и при-стальный, что сопротивляться было невозможно. Сама того не желая, я медленно обернулась.

И встретилась взглядом с карими глазами гориллы. Она улыбнулась, обнажив огромные кривые зубы. Подошла ближе. Я словно окаменела.

И тут Герда грохнулась в обморок. Тихо протонав, она повалилась на спину и оста-лась лежать. Горилла наклонилась над ней и помахала лапами у неё над лицом. Герда тут же очнулась, вскочила и стояла пошатываясь, словно больной зяблик. Я пулей сорвалась с места и кинулась к дверям.

В большом коридоре лежали горой ботинки и сапоги. Я сбросила свою обувь и сломя голову полетела вверх по лестнице. На стенах аккуратными рядами висели старые чёрно-белые фотографии. В спальне царил переполох, как в курятнике. Дети носились по комнате и орали.

Я села на свою кровать, внутри заскрипели ржавые пружины. От страха сосало под ложечкой. До чего же отвратительный взгляд у этой гориллы!

«Герда никогда не позволит ей взять ребёнка, – думала я. – Никогда не отдаст ребёнка этой противной горилле».

– Ну что, Юнна, ты с ней разговаривала? – крикнул Арон. Рядом с ним на кровати сидели двое мальчишек – два брата, которые повсюду ходили хвостом за Арон.

– Ты что, дурак?! – крикнула я в ответ.

– Нет, – сказал Арон. – Мало ли, вдруг ты решила, что вы друг другу подходите.

Черноволосяе братья заржали, глядя на него с восхищением. Одному было пять, другому шесть лет, а наглости уже хоть отбавляй.

– Заткнитесь! – проворчала я и легла, отвернувшись к стене.

Арон тотчас подбежал к моей кровати.

– Думаешь, откуда у неё такое огромное пузо? – прошептал он.

Я обернулась:

– Откуда же?

– Хи-хи! – он с довольным видом вздёрнул свои белёсые брови. – Я о том, с чего эта горилла так растолстела.

– Понятия не имею! – ответила я. – Лучше скажи, с чего ты такой идиот?

Арон перестал лыбиться. Он задрал подбородок и вытаращился на меня.

– Уж я-то не дурак – понимаю, зачем эта мартышка сюда приехала, – многозначительно сказал он, похлопав себя по животу. – Вот почему она так разжирела. Ей нужны дети!

– Что-о? – спросила я и тотчас поняла, что у меня дико испуганный голос, хотя я изо всех сил пыталась храбриться.

– Ясно, как дважды два, – сказал Арон, пожав плечами. – Представляешь, сколько денег у такой толстухи ушло бы на мясо? – Он покачал головой. – Гораздо дешевле взять ребёнка из приюта.

У меня душа ушла в пятки. Но я тотчас опомнилась и хорошенько пихнула Арона в плечо.

– Кончай врать!

Арон затаил дыхание.

– Смотри, Юнна! – шепнул он. – Вон она!

– Хватит, – сказала я и тут же заметила, что все молча смотрят в сторону двери.

Я повернулась и увидела гориллу. Она подтянула свои застиранные панталоны. За её спиной появилась Герда, её лицо было красным, как помидор, а глаза метали молнии.

– Скажи спасибо, что мы с тобой тощие, – прошептал Арон. – Наверняка она выберет кого-то потолще...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.